

На день святых сорока мучеников

Любителю мучеников наскучит ли когда творить память мучеников? Честь, воздаваемая доблестным из наших сослуживников, есть доказательство нашего благорасположения к общему Владыке. Ибо несомненно, что восхваляющий мужей превосходных не преминет и сам подражать им в сходных обстоятельствах. Искренно ублажай претерпевшего мучение, чтобы и тебе соделаться мучеником по произволению и без гонения, без огня, без бичей оказаться удостоенным одинаковых с ними наград. А нам предстоит подивиться не одному, и не двум только, даже не десятью ограничивается число ублажаемых, – но сорок мужей, у которых в раздельных телах была как бы одна душа, в согласии и единомыслии веры показали терпение в мучениях, одинаковую стойкость за истину. Все подобны один другому, все равны духом, равны подвигом; посему и удостоены равночестных венцов славы...

У святых сих не одно было отечество, потому что каждый происходил из особого места. Что же из этого? Как назовем их? не имеющими ли отечества или гражданами вселенной? Как при взносе денег в складчину вносимое каждым делается общим достоянием всех вкладчиков, так и у сих блаженных отечество каждого есть общее отечество всех, и все, будучи из разных мест, меняются друг с другом отечествами. Лучше же сказать, какая нужда доискиваться земных их отечеств, когда о настоящем их граде можно домыслиться, каков он? Град мучеников есть град Божий, «ему же художник и содетель Бог» (Евр. 11, 10), «вышний Иерусалим, свобода, ...мати» (Гал. 4, 26) Павлу и тем, которые подобны ему. Род же у них – человеческий – у каждого свой, а духовный – у всех один; потому что общий им Отец – Бог, и все они братья, не как рожденные от одного и одной, но как по сыноположению Духа сочетавшиеся друг с другом в единомыслии любви.

Это – готовый лик, великое добавление к прославляющим Господа от века; они не один по другому собрались, но вдруг преселились. И какое же это переселение? Отличаясь от всех своих сверстников телесным ростом, юностию возраста и силою, включены они были в воинские списки; и за искусство ратное, и за мужество душев-

ное получили у царей первые почести, у всех будучи имениты за добродетель. А когда объявлено было это безбожное и нечестивое воззвание – не исповедовать Христа или подвергнуться опасностям; грозили же всеми родами мучений, и судиями неправды подвигнута на благочестивых великая и зверская ярость; составлялись против них клеветы и злоухищрения, изыскиваемы были различные роды истязаний, мучители были неумолимы, огонь готов, меч изощрялся, водружаем был в землю крест, изготовлялись ров, колеса, бичи; когда одни бежали, другие покорялись, иные были бы в нерешимости, а некоторые еще до изведения поражались ужасом от одних угроз, другие от близости ужасов приходили в кружение, иные, вступив в борьбу, не в состоянии потом были до конца выдержать труд и, на половине отказываясь от подвига, подобно застигнутым бурей на море, теряли от кораблекрушения и тот груз терпения, какой уже имели; сии непобедимые и мужественные воины Христовы, выступив на среду, градоначальнику, показывавшему царское писание и требовавшему повиновения, свободным голосом, смело и неповажно, нисколько не утрашившись видимого, не ужаснувшись угроз, возвестили о себе, что они христиане. О, блаженные уста, произнесшие этот священный глас, которым приявший его воздух освятился, которому рукоплескали услышавшие его Ангелы, которым уязвлены были диавол и демоны, и который Господом записан на небесах! Итак, каждый, выходя на среду, говорил: «Я христианин!» И как на ристалищах вступающие в подвиг, в одно время и имена свои сказывают и становятся на место борьбы, так и каждый из них, отринув тогда нареченное ему имя при рождении, заимствовал себе имя от общего всем Спасителя. И это делали все, к предшествовавшему присоединялся и последующий, от сего у всех стало одно наименование; не говорили: я такой-то или такой-то, но все провозгласили себя христианами.

Что же делал тогдашний властитель? А он был искусен и обилен в средствах то обольщать ласками, то совращать угрозами. И их сперва хотел очаровать ласками, пытаясь ослабить в них силу благочестия. Он говорил: «Не выдавайте своей юности; не променяйте этой сладостной жизни на безвременную смерть. Привыкшим отличать доблестью в бранях неприлично умереть злодеев». Сверх сего обещал им деньги. И это давал им, и почести у царя, и оделял чинами, и хотел одолеть тысячами выдумок. поелику же они не поддались такому искуше-

1700-ЛЕТНІЕ ПОДВИГА

ПРИХОД СВАТОГО
ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА

нию, обратился к другому роду ухищрений: стращал их побоями, смертями, извечением несноснейших мучений.

Так действовал он! Что же мученики? Говорят: «Для чего, богопротивник, уловляешь нас, предлагая нам эти блага, чтобы отпали мы от живого Бога и поработились погибельным демонам? Для чего столько даешь, сколько стараешься отнять? Ненавижу дар, который влечет за собою вред; не принимаю чести, которая бывает матерью бесчестия. Даешь деньги, отнимающие неувядаемую славу. Делаешь известным царю, но отчуждаешь от Царя истинного. Что так скупое и так немного предлагаешь нам из мирского? Нами презрен и целый мир. С возжеланным для нас упованием нейдет и в сравнение видимое. Видишь это небо: как прекрасно оно видом, как величественно! Видишь землю: как она пространна и какие на ней чудеса! Ничто из этого не равняется блаженству праведных. Ибо это преходит, а наши блага пребывают. Желая одного дара – венца правды; стремлюсь к одной славе – к славе в Царстве Небесном. Ревную о почести горней: боюсь мучения, но мучения в геенне. Тот огонь мне страшен, а этот, который вы угрожаете, мне сослужебен. ...

Когда выслушал сие этот человек гордый и бесчеловечный, – не терпя дерзновения сих мужей и воскипев яростию, стал рассуждать сам с собою, какой бы найти ему способ, чтобы приготовить им смерть и продолжительную, и, вместе, горькую. Нашел, наконец, и смотрите, как жестока его выдумка! Обратив внимание на свойство страны, что она холодна, на время года, что оно зимнее, заметив ночь, в которую стужа простиралась до наибольшей степени, а притом дул еще и северный ветер, дал он приказание всех их обнажить, уморить на открытом воздухе, заморозив средь города.

Без сомнения же, знаете вы, испытывавшие зимний холод, как невыносим этот род мучения; потому что невозможно и объяснить сего другим, кроме тех, которые в собственном опыте имеют готовые примеры пересказываемого. Тело, подвергшееся холоду, сперва все синее от того, что кровь сседается; потом оно дрожит и трясется, между тем как зубы стучат, жилы сводятся, и весь состав невольно стягивается. А какая-то острая боль и невыразимое мучение, проникающие в самые мозжечки, производят в замерзающих нестерпимое ощущение. Потом члены тела отпадают, как будто сожигаемые огнем; потому что теплота, отгоняемая от оконечностей тела и сбегаящая во внутренность, оставляет омертвелыми те части, от которых удале-

лась, а те части, в которых она собирается, предает мучительной боли, между тем как смерть от замерзания постепенно приближается....

Как будто в военное время стоя на страже, проводили они ночь, мужественно перенося настоящее, радуясь ожидаемому, посмеяясь противнику. У всех же была одна молитва. «Сорок человек вступило нас на поприще, сорок человек да увенчаемся, Владыко! Ни одним да не уменьшится это число. Оно честно: Ты Сам, чрез Кого закон вошел в мир, почтил его сорокадневным постом. Сорок дней в посте искавший Господа Илия сподобился видения!» И хотя такова была их молитва, однако ж один из сего числа, изнемогши от страданий, оставив место подвига, удалился, возбудив в святых несказанное сожаление. Но Господь не попустил, чтобы прошения их остались напрасными.

Тот, кому вверено было охранение мучеников, грясь неподалеку от одного училища борьбы, наблюдал, что будет, готовый принять тех из воинов, которые прибегнут к нему. И кроме того, наперед было рассчитано, чтобы была вблизи баня, обещавшая скорую помощь переменявшим мысли. Но что с злым намерением придумано врагами, именно: найти для подвига такое место, где готовность облегчения могла бы ослабить твердость подвижников, это самое в большем свете показало терпение мучеников. Ибо не тот терпелив, у кого нет необходимого, но тот, кто, не имея недостатка в наслаждении, продолжает терпеть бедствие.

Когда же мученики подвизались, а страж наблюдал, что произойдет, – видит он необычайное зрелище, видит, что какие-то Силы сходят с небес, и как бы раздают воинам великие дары от Царя. И всем разделили они дары; одного только оставили не награжденным, признав его недостойным небесных почестей; и это был тот, который, вскоре отказавшись от страданий, перешел к противникам. Жалкое зрелище для праведных! Воин – беглец, первый из храбрых – пленник, овца Христова – добыча зверей. Но еще более было жалко, что он и вечной жизни не достиг, и не наслаждался настоящею; потому что плоть у него тотчас распалась от действия на нее теплоты. Но как этот животолюбец пал, без всякой для себя пользы преступив закон, так исполнитель казни, едва увидел, что он уклонился и пошел к бане, сам стал на место беглеца и, сбросив с себя одежды, присоединился к обнаженным, взывая в один голос со святыми: «Я христианин!» И внезапною переме-

ны изумив предстоящих, как число собою восполнил, так своим присоединением облегчил скорбь об ослабевшем, поступив по примеру стоящих в строю, которые, как скоро падет кто в первом ряду, тотчас замещают его собою, чтобы убылым не разрывался у них ряд. Подобно этому поступил и сей. Видел он небесные чудеса, познал истину, притек к Владыке, стал сопричислен к мученикам! Иуда пошел прочь, а на место его введен Матфий. Подражателем стал Павловым вчерашний гонитель, а ныне благовествующий. И он имел звание свыше «ни от человек, ни человеком» (Гал. 1, 1). Уверовал во имя Господа нашего Иисуса Христа, крещен в Него не другим кем, но собственной верою, не в воде, но в крови своей.

И таким образом, при начале дня еще дышащие мученики преданы огню, а остатки от огня брошены в реку, чтобы подвиг блаженных объят собою всю тварь. Ратоборствовали они на земле, показали терпение в воздухе, преданы огню, восприяла их вода. Им прилично сказать: «проидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой» (Пс. 65, 12). И они-то, заняв нашу страну, подобно какому-то непрерывному ряду столпов, доставляют безопасность от нашествия противников, не в одном месте заключившись, но имея пристанище во многих местах и украсив собою многие отчизны. И, что необычайно, не по одному разделившись, посещают они приемлющих, но не разлучаясь друг с другом, соединенным приходят ликом.

И какое чудо! И не уменьшаются числом, и не допускают приумножения. Если разделишь их на каждого, не выступают из свойственного им числа. И если соберешь воедино, и в таком случае остаются те же сорок, уподобляясь природе огня; потому что и огонь, как переходит ко вновь возжигающему его, так всецело остается у того, кто имел его у себя. И сии сорок и все вместе, и все у каждого. Это – неоскудевающая благотворительность, неистощимая благодать, готовая для христиан помощь, церковь мучеников, воинство победоносцев, лик славословящих. Сколько употребил ты труда найти и одного молитвенника за себя ко Господу! – И вот сорок молитвенников, воссылающих согласную молитву. «Идеже еста два или трие собрани во имя Господне, ту есть посреде их» (Мф. 18, 20); а где сорок, там усумнится ли кто в присутствии Божиим? Все, воздвигнув один победный памятник за благочестие, украсились одним венцом правды, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Святитель Василий Великий .